

УДК 008:001.8:316.73

Д. В. Думанский

ПРОБЛЕМА РОСТА НАУЧНОГО ЗНАНИЯ В ТЕОРИИ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ МАКРОДИНАМИКИ

В статье предпринимается попытка рассмотреть проблему роста научного знания о развитии культуры в целом, на основе интерпретации методологии научно-исследовательских программ И. Лакатоса. Анализируется проблема становления и развития линейно-поступательной научно-исследовательской программы социокультурной макродинамики. Проводится рациональная реконструкция базисных положений «твердого ядра» данной программы.

Ключевые слова: методология научно-исследовательских программ, рациональная реконструкция, социокультурная макродинамика, линейно-поступательная модель развития культуры.

D. V. Dumansky

THE PROBLEM OF GROWTH OF SCIENTIFIC KNOWLEDGE IN THE THEORY OF SOCIOCULTURAL MACRODYNAMICS

The object of this work is to demonstrate the capabilities of the methodology of scientific research programs of Imre Lakatos in addressing the humanities growth. This is done by adapting the methodology to the necessary context and by analyzing the existing experience in this area. As a result we specify progressive development criteria of research programs in the field of humanitarian knowledge and adapt to the requirements of the basic formulation forming the “hard core” of the program. Further, on this basis, we made rational reconstruction of linear translational program of sociocultural macrodynamics. We formulate underlying provisions of “hard core”: 1) the main line of culture development exists objectively (culture developing uniformly), 2) development involves stage-wise, progressive improvement of universal culture, and 3) each new stage of development of the universal culture arises on the basis of previous, 4) improvement is a universal culture as a whole. Also, the article examines the progressive and regressive step in the development of the program determined by a sequence of theories forming the history of its development, defined by the theory of protective belt.

Keywords: methodology of scientific research programs, rational reconstruction, sociocultural macrodynamics, linear-progressive model of culture development.

Несмотря на значительный успех гуманитарных исследований, статус положительного знания может быть присвоен лишь некоторым эмпирическим открытиям [11, с. 4]. При этом отношение к таким исследованиям в научной среде часто бывает неопределенным. Однако М. С. Каган отмечает, что «точное, логически развернутое и доказательно фундированное гуманитарное знание нужно не меньше, чем логически строгое научное естествознание» [4, с. 22]. Но здесь нужно понимать, что состоятельность той или иной научной дисциплины характеризуется особым интересом к собственной структуре, истории и методологии. Известно, что проблема роста научного знания является общенаучной и весьма актуальной. Но чаще всего эта проблема решается на материале естественно-научных дисциплин. При этом, исходя из вышеизложенного, актуальность ее высока и для гуманитарных наук, в частности для культурологии [2]. В данной работе мы попытаемся рассмотреть проблему роста научного знания о развитии культуры в целом. Для этого сначала обратимся к методологии научно-исследовательских программ И. Лакатоса, а далее попробуем адаптировать ее к социогуманитарному контексту на конкретном примере одной из научно-исследовательских программ социокультурной макродинамики. Может показаться, что проблема развития культурологического знания не совсем корректна, в силу того, что культурология весьма молодая наука. Однако стоит отметить, что культурологическое знание существовало много ранее, так же как и физическое знание существовало задолго до становления физики как науки.

Начиная с Нового времени, развитие науки ассоциируется с прогрессивным, кумулятивным ростом позитивных эмпирических данных о внешнем мире, который последовательно приближает нас к истине [10, с. 3]. В основе такого подхода лежит тезис о том, что существует или должен существовать абсолютный критерий научной рациональности. Однако квантово-релятивистская научная революция, произошедшая на рубеже XIX и XX веков, заставила пересмотреть позиции многих исследователей в области истории и философии науки. При этом релятивизм, который стал популярным в среде постпозитивистов (Т. Кун, П. Фейрабенд и другие), вряд ли удовлетворительно решает проблему динамики научного знания. Томас Кун полностью отвергает возможность существования абсолютных критериев рациональности и, как следствие, каких бы то ни было объективных критериев оценки роста научного знания. Динамику научного знания он видит в постоянной смене парадигм, внутри которых вырабатываются свои, не соотносимые с прежними критерии рациональности. Но проблема смены парадигм не поддается рациональной реконструкции. Он отмечает лишь то, что она зависима от социального и психологического контекста [6, с. 40–41]. Следовательно, с позиции Куна, смена парадигм иррациональна, как иррациональна и динамика научного знания. Если метакритерии отсутствуют,

встает вопрос о правомерности использования критериев рациональности одной парадигмы по отношению к другим, а тем более к росту научного знания как такового. Кроме того, если рост научного знания априори иррационален, стоит ли вообще пытаться как-то рационально его осмыслить, как это весьма успешно делает Томас Кун. Так или иначе, несмотря на особую популярность куновского подхода к проблеме роста научного знания, он не лишен ряда проблемных мест. Учитывая это, а также критику Куном построений К. Поппера, Имре Лакатосом была создана методология научно-исследовательских программ. Он предлагает (вслед за Куном) рассматривать более долговечные научные образования, чем теория. А именно научно-исследовательские программы, характеризующие зрелую науку. Она отличается от незрелой тем, что превосходит новые вспомогательные теории, обладает эвристической силой, располагает теоретической автономией. Кроме того, развитие науки представляется Лакатосу как конкуренция научно-исследовательских программ, а не как чередование периодов «нормальной науки» и «кризисов» (позиция Т. Куна). При этом структура научно-исследовательской программы четко определена. Научно-исследовательская программа есть последовательность теорий связанных между собой непрерывностью. Непрерывность последовательности является здесь определяющей характеристикой, она может быть задана, по мнению Лакатоса, самыми абстрактными утверждениями [8, с. 79]. Но масштаб рассмотрения определенной последовательности теорий как научно-исследовательской программы может быть сколь угодно большим. Собственно наука как таковая может рассматриваться как метаисторическая научно-исследовательская программа.

Перейдем непосредственно к структуре научно-исследовательской программы. Любая программа имеет «твердое ядро», «защитный пояс» и ряд методологических правил, которые составляют две группы – «положительная эвристика» и «отрицательная эвристика». Твердое ядро – неоспоримые постулаты, наиболее абстрактные утверждения о рациональном устройстве изучаемого объекта. Однако неоспоримыми они являются лишь в рамках определенной научно-исследовательской программы. Эта неоспоримость является конвенциональной и обладает определенным рациональным смыслом, который состоит в том, чтобы не позволить «опровержениям» переносить ложность на твердое ядро до тех пор, пока подкрепленное эмпирическое содержание защитного пояса вспомогательных гипотез продолжает увеличиваться [8, с. 83]. Это рациональный смысл и описывает отрицательная эвристика, которая запрещает использовать логическое правило modus tollens ($A \rightarrow B$, не- B ; следовательно, не- A), когда речь идет об утверждениях, включенных в «твердое ядро». То есть исследователям запрещено что-либо менять в исходной теории, даже если они находят такие «факты», которые вступают в противоречие с этой теорией. Вместо этого необходимо изобретать «вспомогательные гипотезы», которые примиряют теорию с фактами. Эти гипотезы образуют защитный пояс вокруг фундаментальной теории (положений твердого ядра), они принимают на себя удары опытных проверок и в зависимости от силы и количества этих ударов могут изменяться, уточняться или даже полностью заменяться другими гипотезами. Таким образом, защитный пояс составляют вспомогательные гипотезы, а правила положительной эвристики – приемы, с помощью которых можно и нужно изменять «опровержимую» часть программы (защитный пояс), чтобы сохранить в неприкосновенности «неопровержимую» (твердое ядро) ее часть. Если программа обладает хорошо развитой положительной эвристикой, то ее развитие зависит не столько от обнаружения опровергающих фактов, сколько от внутренней логики самой программы. Следовательно, положительная эвристика предполагает работу не столько с объяснением существующих аномалий, сколько с их предвидением и дальнейшей адаптацией: «Если положительная эвристика ясно определена, то трудности программы имеют скорее математический, чем эмпирический характер» [8, с. 87]. Положительная эвристика, как утверждает Лакатос, может быть сформулирована как «метафизический принцип». Поэтому она более «гибкая», чем отрицательная. Таким «метафизическим принципом», например, может являться идея того, что вселенная есть огромный часовой механизм (и система вихрей), в котором толчок является единственной причиной движения (эвристический принцип картезианской метафизики) [8, с. 80]. Кроме определенной структуры, методология И. Лакатоса предполагает и объективные критерии оценки научно-исследовательских программ. Они оцениваются на основании «прогрессивного» и «регрессивного сдвига проблем». Та или иная научно-

исследовательская программа развивается успешно, если обеспечивает прогрессивный сдвиг проблем, и, наоборот, – программа не успешна, если сдвиг проблем регрессивен. Программа прогрессирует, когда каждый следующий шаг ведет к увеличению ее содержания. Таким образом, происходит прогрессивный теоретический сдвиг проблем. К тому же необходимо, чтобы теоретический сдвиг имел и эмпирическое подтверждение, хотя бы ретроспективно, «программа в целом должна рассматриваться как дискретно прогрессивный эмпирический сдвиг» [8, с. 82]. В связи с этим проблема элиминации научно-исследовательской программы не так проста. Она решается скорее ретроспективно, потому как: «Нет ничего такого, что можно было бы назвать решающими экспериментами, по крайней мере, если понимать под ними такие эксперименты, которые способны немедленно опрокидывать исследовательскую программу» [8, с. 146–147]. Программа может долгое время находиться в регрессивной стадии, может развиваться, находясь в противоречии с другими более сильными программами. Но если ученый, последователь «побежденной» научно-исследовательской программы, несколько лет спустя предлагает научное объяснение якобы «решающего эксперимента» в рамках якобы разгромленной программы, почетный титул может быть снят и «решающий эксперимент» может превратиться из поражения программы в ее новую победу. Методология научно-исследовательских программ, по замыслу автора, должна была максимально приблизить теоретические представления о научной рациональности к реальной истории науки. Однако И. Лакатос прекрасно понимал, что его рациональная реконструкция динамики научного знания отличается от реальной истории. В своих теоретических изысканиях он следовал следующему тезису: «Философия науки без истории науки пуста; история науки без философии науки слепа» [7, с. 203]. Лакатос предлагает различать «внутреннюю историю» и «внешнюю». Внутренняя история реконструируется на основании нормативной методологии, тем самым рационально объясняя динамику научного знания. В то время как внешняя история (реальная история) может выглядеть весьма иррационально. При этом необходимо понимать, что некоторые важные проблемы внешней истории, могут быть сформулированы только на основании внутренней. И. Лакатос убежден, что внутренняя история так или иначе присутствует в любых изложениях внешней истории: «История без некоторых теоретических “установок невозможна”. <...> Конечно, эти установки могут быть скрыты за эклектичным переходом от теории к теории или за теоретической путаницей; но, ни эклектизм, ни путаница не означают отказа от теоретических воззрений» [7, с. 234]. Каждая рациональная реконструкция создает свою, характерную для нее модель рационального роста научного знания. Здесь можно провести аналогию с социокультурной макродинамикой – в исследованиях развития культуры явно или не явно всегда присутствуют теоретические установки. Поэтому говорить о «реальной истории» весьма проблематично.

Теперь попробуем адаптировать методологию И. Лакатоса к гуманитарной сфере на конкретном примере научно-исследовательской программы социокультурной макродинамики. Одной из успешных в данной сфере является программа линейно-поступательного развития культуры. Прежде чем перейти к рассмотрению этой программы, важно отметить следующее. Целью данного исследования не является всестороннее исследование обозначенной программы или доказательство ее превосходства. Основная задача показать то, как может работать методология научно-исследовательских программ в этой сфере, каким потенциалом она обладает. То есть это всего лишь попытка продемонстрировать вариант решения проблемы роста научного знания в гуманитарной сфере посредством методологии научно-исследовательских программ.

Формирование этой программы было весьма длительным. Эвристический принцип, который лежит в ее основе, был сформулирован еще Ж. Боденом в его работе «Метод легкого познания истории», которая увидела свет в 1566 году. Боден считал, что от «дикости» человечество поднялось до состояния, которое он именовал «гражданским обществом» (*civilsocietas*) (см. [13, с. 110]). Однако детальной разработки этот принцип не получил, хотя из него уже следуют положения твердого ядра. Заметим, что в силу специфики гуманитарных наук (их «нематематизированности») отделить положительную эвристику от базисных утверждений твердого ядра значительно сложнее. Поэтому прежде чем обратиться к процессу становления этих положений, попробуем наметить основные тре-

бования к постулатам твердого ядра в контексте гуманитарных наук. Такие требования выдвигает Н. С. Розов (см. [12, с. 149–154]). Он модифицировал методологию научно-исследовательских программ с целью ее применения в качестве нормативного плана организации нового перспективного исследования в контексте теоретической истории. Таким образом, мы попытаемся выявить универсальные аспекты этих требований (с учетом специфики не создания научно-исследовательских программ, как у Н. С. Розова, но их выявления). Во-первых, это должны быть тезисы, объясняющие рациональное устройство объекта, логическая форма которых в принципе допускает их опровержение (принцип верификации). Во-вторых, обязательным атрибутом строгой формулировки постулатов твердого ядра должно являться наличие переменных, связанных логическими кванторами («все», «найдется хотя бы один», «один и только один»). В-третьих, общность постулатов ядра должна прямо соответствовать общности претензий исследовательской программы на охват предметной области. Если научно-исследовательская программа направлена на изучение развития культуры в целом, то постулаты должны распространяться на всю историю культуры. При этом важно понимать, что общность исследовательской программы не запрещает создания частных теорий внутри исследовательской программы, объясняющих конкретные фрагменты действительности. Например, постулаты научно-исследовательской программы, касающиеся истории развития культуры в целом, не препятствуют созданию внутри этой программы теорий, объясняющих специфику современной культуры. В-четвертых, вся совокупность постулатов твердого ядра должна позволять делать выводы о самых разных аспектах социокультурной действительности (технология, хозяйство, социальные отношения, поведение и т. д.). В-пятых, в рациональной реконструкции положений твердого ядра должен быть количественный и качественный баланс. Поясним эту мысль. Н. С. Розов считает, что успех программы зависит от баланса продуктивности и неуязвимости постулатов. Абсолют продуктивности обеспечивается максимальной содержательностью и нетривиальностью постулатов, при этом они максимально уязвимы. Абсолют неуязвимости обеспечивается максимальной тривиальностью и «тавтологичностью» постулатов, при этом они максимально непродуктивны. В контексте рациональной реконструкции этот принцип может быть интерпретирован следующим образом. При выявлении той или иной научно-исследовательской программы необходимо реконструировать положения твердого ядра таким образом, чтобы они не были ни максимально абстрактными, ни максимально конкретными (качественный баланс). И в том, и в другом случае мы будем иметь дело с непродуктивной реконструкцией. С одной стороны, существует опасность всю дисциплину свести к одной программе, с другой – программу к одной или нескольким теориям. Такая же опасность возможна, если не соблюдать количественный баланс, если в твердое ядро включать максимальное количество постулатов или один единственный постулат. Так, например, культурную динамику можно подчинить одному «метафизическому принципу» – «культуру определяет ее развитие».

Итак, возвращаясь к проблеме становления научно-исследовательской программы линейно-поступательного развития, отметим, что формирование постулатов твердого ядра можно обнаружить в работе Анна Робера Жака Тюрго «Рассуждения о всеобщей истории», которая увидела свет приблизительно в 1750 году (см. [13, с. 115]). Тюрго уже разделяет историческое развитие и природное, тем самым выделяя новую сферу развития – развития культуры и общества. Основой его рассуждений является идея целостности человеческого рода. Этим же задается основание для возможности всемирной истории. Но целое теперь есть не неизменность человеческой природы, а единство в совершенствовании рода человеческого. У Тюрго уже можно обнаружить намерение доказать сущность человеческого разума в качестве столь же непогрешимо действующей силы природы, как, например, сила притяжения, которая обеспечивает магистральную линию развития культуры и общества, направленную к достижению единообразного будущего человечества (см. [9, с. 144]). Также Тюрго утверждает наличие определенных стадий развития культуры и общества. Здесь он выдвигает гипотезу, основанную на производственно-экономической типологии стадий развития человечества. Так можно выделить четыре основных стадии: собирательно-охотничья, скотоводческая, земледельческая и торгово-промышленная. При этом торгово-экономические факторы, наряду с последовательными

усовершенствованиями человеческого разума, обеспечивают общее прогрессивное движение. Тюрго отмечает, что, несмотря на все войны и опустошения, «нравы смягчаются и человеческий разум просвещается. Разделенные прежде народы сближаются друг с другом, торговля и международные отношения захватывают, наконец, весь земной шар, и человеческий род путем постоянной смены периодов спокойствия и волнений, счастья и напастей, приближается постепенно, хотя и медленным темпом, все больше к совершенству» (цит. по [3, с. 69]). Таким образом, мы уже можем говорить о некоторых базисных суждениях, которые следует включить в твердое ядро. Прежде всего, это идея единообразия человеческого развития, то есть наличие определяющей магистральной линии развития культуры и общества, имеющей всеобщую ценность. Далее, это идея обязательного стадиального развития, направленного к постоянному совершенствованию. Совершенствование является универсальным, то есть охватывает как индивидуальные, так и общественные добродетели (нравы, разум, производство, экономику).

Дальнейшее развитие этих базисных положений программы связано с работами Ж. А. Н. Кондорсе, ученика А. Р. Ж. Тюрго. В своей работе «Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума» (1794 год) Кондорсе развивает теорию рациональной детерминированности линейно-поступательного развития культуры, а также теорию «десяти эпох», но основные постулаты, безусловно, остаются неизменными. Более того, Кондорсе формулирует тезис, который также необходимо включить в твердое ядро: «...результат, обнаруживаемый в каждый момент, зависит от результатов, достигнутых в предшествующие моменты, и влияет на те, которые должны быть достигнуты в будущем» [5, с. 36]. Таким образом, четвертым постулатом твердого ядра будем считать принцип, согласно которому каждая новая стадия зависит от предшествующей и развивается на ее основе. Разум, знания, науки, по Кондорсе, есть основа прогрессивного развития человечества. Разум – двигатель социокультурного развития. Первоисточником же его собственной активности, согласно Кондорсе, является природная потребность в разнообразных ощущениях или новых идеях (см. [5, с. 63–64]). Прогрессивное развитие человеческой культуры, по Кондорсе, закономерно, оно подчинено общим законам развития. Фактически это законы развития человеческих способностей, которые в прогрессе находят свое естественное завершение, обобщение или укрупнение. В результате законом становится сам прогресс. В доказательство этому тезису Кондорсе, используя максимально богатый исторический материал, анализирует всю историю человечества, выделяя десять основных эпох (см. [5, с. 45–225]). **Не будем останавливаться** на детальном изложении содержания этих десяти эпох. Отметим лишь то, что Кондорсе успешно доказал состоятельность базовых утверждений твердого ядра на широком эмпирическом материале (обеспечив эмпирически прогрессивный сдвиг), а также ввел дополнительные теории (обеспечив теоретически прогрессивный сдвиг). Такой теорией также является зависимость прогресса рациональности от религиозного сознания, которая в дальнейшем будет разрабатываться О. Контом. Безусловно, торжество разума Кондорсе связывал с секуляризацией. Так, он писал: «Нет ни одной религиозной системы, ни одной сверхъестественной нелепости, которая не основывалась бы на незнании законов природы» [5, с. 188]. Кроме того, Кондорсе делает прогноз, в котором предсказывает несколько значимых фактов социокультурной действительности. Десятая эпоха, которой тогда было только суждено настать, характеризуется им следующим образом. Совершенствование человеческого рода будет осуществляться по пути устранения неравенства между нациями, прогрессом равенства между различными классами того же народа и по пути действительного совершенствования человека (см. [5, с. 197]). Что же касается «отсталых» народов, то их развитие, считает Кондорсе, будет более быстрым и будет происходить с меньшими издержками, поскольку они смогут воспользоваться плодами просвещения и прогресса могущественных европейских наций. Со стороны последних следует ожидать уважения к независимости слабых государств, гуманного отношения к их невежеству и нищете. Сбылся ли прогноз Кондорсе, относительно предсказания ряда фактов социокультурной действительности? Ответ на этот вопрос, скорее всего, связан с конкретной ценностной, мировоззренческой и идеологической ориентацией. Однако формально можно говорить, что прогноз подтвердился. А предсказание новых фактов, по Лакатосу, это безусловный успех научно-исследовательской программы.

Кроме того, необходимо отметить значительный прогресс научно-исследовательской программы линейно-стадиального развития в XIX веке. Известный вклад в развитие этой программы внес

К. Маркс, обеспечив реальным теоретически и эмпирически прогрессивный сдвиг в решение проблем. Также особенно важным обстоятельством является то, что данная программа легла в основу первых работ связанных со становлением науки о культуре. Речь идет об эволюционизме Г. Спенсера, Э. Тайлора, Л. Г. Моргана и других. Так, Спенсером была введена довольно эвристическая теория структурно-функциональной дифференциации. Суть ее можно свести к следующему. Процесс прогрессивно-эволюционного развития является универсальным и движется всегда от простого к сложному; от аморфности к четкости; от однообразия, гомогенности к специализации, гетерогенности; от текучести к стабильности (см. [14, с. 139]). **Благодаря этому механизму, считает Спенсер, развитие культуры и общества проходит ряд обязательных стадий.** Простые, изолированные друг от друга общества сменяются сложными, в которых появляется разделение труда среди индивидов и разделение функций между частями общества. Эти общества, в свою очередь, сменяются обществами удвоенной сложности, существующими на постоянной территории, с постоянно действующей конституцией и системой законов, и, наконец, на смену им приходят цивилизации – наиболее сложные социальные целостности [14, с. 140]. Э. Тайлор для подтверждения базисных положений программы использовал широкий этнографический материал, обращая внимание на сходство орудий труда, обычаев и верований разных народов. По мнению Тайлора, культура, как и любой другой объект научного познания, подлежит анализу, разложению на составляющие элементы и классификации этих элементов по тому или иному принципу. Таким образом, проследив эволюцию отдельных элементов культуры, Тайлор мог говорить об эволюции целого: «В целом представляется, что в тех случаях, когда мы наблюдаем развитые искусства, тайные знания, разветвленную систему общественных институтов, – все это является результатом постепенного развития ранних, более простых и грубых форм жизни. Ни одна стадия развития цивилизации не возникает сама по себе, но вырастает или развивается из предыдущей стадии» (цит. по [16, с. 538]). В целом, работы Тайлора, в силу богатого этнографического материала, обеспечивали мощный эмпирически прогрессивный сдвиг в решении проблем данной программы. Серьезный вклад в развитие программы внес и Л. Г. Морган, который ввел теорию технического детерминизма. Морган считал, что единообразие и непрерывность эволюционно-прогрессивного развития вытекают из универсальности и постоянства человеческих потребностей. Типичные для людей потребности (в пище, жилье, комфорте и другие) стимулируют поиск средств их удовлетворения, приводят к технологическим новшествам. Технологические новшества, в свою очередь, меняют весь характер общества и культуры, в том числе формы семейной жизни, культурные ценности и повседневная жизнь (см. [14, с. 141]). Однако, несмотря на столь серьезные успехи, в конце XIX века начинается регрессивная стадия рассматриваемой нами программы, которая продолжается вплоть до середины XX века. Регресс связан с критикой Франца Боаса в адрес эволюционистов и распространением диффузионизма. Так, в своей работе «Эволюция или диффузия» он анализирует несколько социокультурных общностей, которые в терминологии линейно-стадиальной программы могут быть обозначены как «низшие», и доказательно демонстрирует их реальные различия, в результате чего делает вывод: «Мы думаем, что единообразие древних форм недоказуемо и все ранее рассмотренные феномены говорят в пользу исконной множественности» [1, с. 347]. В среде диффузионистов сложилось мнение, что существует лишь два способа исследования культуры – историческое и научное, причем историческое предполагает хронологическое описание развития культуры во всей его непредвзятости, научное же предполагает обобщение конкретных культурных фактов, выходящее за хронологические рамки (см. [16, с. 541]). Таким образом, целостному осмыслению развития культуры просто не нашлось места. Диффузианисты сосредоточились на этнографических исследованиях. Однако «воскрешение» базисных положений твердого ядра все же произошло, и связано оно с работами Л. Уайта, который также известен тем, что ввел в научный обиход понятие культурологии как науки. Уайт убедительно и доказательно показал, что кроме научного и исторического изучения культур необходимо и эволюционное изучение (см. [15]). Причем эти три способа исследования не противоречат друг другу, а, наоборот, дополняют. Основной тезис Уайта заключается в следующем: «в культуре существуют три четко разграниченных и вычленимых процесса и, соответственно, существовали и должны суще-

ствовать три соответствующих способа ее интерпретации. Эти три процесса вместе с соответствующими им способами интерпретации культуры суть: 1) временной процесс является хронологической последовательностью единичных событий; его изучает история; 2) формальный процесс представляет явления во вневременном, структурном и функциональном аспектах, что дает нам представления о структуре и функции культуры; 3) формально-временной процесс, представляющий явления в виде временной последовательности форм; его интерпретацией занимается эволюционизм» [15, с. 561]. Таким образом, Уайт теоретически обосновывает необходимость дальнейшего развития линейно-стадиальной программы. Что же касается «основной аномалии Боаса», то Уайт доказывает, что она появилась в результате неправильной интерпретации базисных положений твердого ядра. Суть заключается в том, что никто не отрицал наличия разнообразия в культуре как целом – оно действительно существует. Однако существует и единообразие в развитии, существует магистральный путь, по которому поступательно развивается культура как целое. Уайт убежден, что культура «бесконечно разнообразна в своих конкретных проявлениях, но в то же время содержит единство и единообразие» [16, с. 552]. Кроме того, Уайтом была введена теория энергетического детерминизма, которая, безусловно, основывается на теории технического детерминизма, являясь ее следствием. Культура в контексте данной теории «становится, прежде всего, механизмом преобразования энергии, необходимым, чтобы заставить энергию работать, на благо человека, а уж потом – механизмом формирования и направления его поведения, не связанного напрямую с добыванием пищи, защитой от врагов и борьбой с врагами» [17, с. 462]. Следовательно, культура развивается, осваивая все более мощные источники энергии, преобразовывая ее, что стимулирует развитие технологии. Но именно количество потребляемой энергии напрямую влияет на благополучие людей и развитие культуры, которая по мере собственной эволюции стремится к более высокому уровню интеграции. Таким образом, работы Уайта определили теоретически и эмпирически прогрессивные сдвиги в решении проблем.

Итак, мы рассмотрели пример того, как контраргумент объясненный Уайтом в рамках линейно-стадиальной научно-исследовательской программы превратился в ее новую победу. Были обнаружены также примеры прогрессивных и регрессивных сдвигов, как эмпирических, так и теоретических. На основании уточнений, сделанных Н. С. Розовым к методологии научно-исследовательских программ, а также собственной интерпретации данной методологии были реконструированы положения твердого ядра рассматриваемой программы. В конечном счете их можно свести к следующим: 1) объективно существует магистральная линия развития культуры (культура развивается единообразно); 2) это развитие предполагает стадиальное, поступательное совершенствование общечеловеческой культуры; 3) каждый новый этап развития общечеловеческой культуры возникает на основе предыдущих; 4) совершенствование является универсальным для культуры как целого. Кроме того, намечен ряд теорий, последовательность которых и составляет линейно-стадиальную научно-исследовательскую программу социокультурной макродинамики. Безусловно, эта последовательность не является полной и исчерпывающей, не рассмотрено современное состояние программы (а она успешно развивается), но такой задачи и не стояло. Главное состоит в том, что, наметив основные вехи развития программы, появилась возможность продемонстрировать методологию научно-исследовательских программ применимо к социогуманитарным наукам. Думается, что ее эвристичный потенциал еще только предстоит реализовывать в обозначенном контексте.

Литература

1. Боас Ф. Эволюция или диффузия / пер. с англ. Ю. С. Теретьевой // Антология исследований культуры. – СПб.: Университет. кн., 1997. – Т. 1: Интерпретация культуры. – С. 343–347.
2. Двуреченская А. С. Профессиональная компетентность культуролога в контексте прикладной культурологии // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2013. – № 22/2. – С. 109–113.
3. Захер Я. М. Тюрго. – М.: Государств. изд-во, 1919. – 78 с.
4. Каган М. С. Эстетика как философская наука. – СПб.: Петрополис, 1997. – 544 с.
5. Кондорсе Ж. А. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума / пер. И. А. Шапиро. – М., 2010. – 233 с.
6. Кун Т. Логика открытия или психология исследования? / пер. с англ. О. А. Балла // Философия науки. – 1997. – № 3. – С. 20–48.

7. Лакатос И. История науки и ее рациональные реконструкции // Структура и развитие науки. Из Бостонских исследований по философии науки. – М.: Прогресс, 1978. – С. 203–269.
8. Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ / пер. с англ. и предисл. В. Н. Поруса. – М.: Медиум, 1995. – 236 с.
9. Мейнеке Ф. Возникновение историзма / пер. с нем. В. А. Брун-Цехового, Л. Т. Мильской. – М.: РОССПЭН, 2004. – 480 с.
10. Нугаев Р. М. Проблема роста научного знания // Философия науки. – 2006. – № 4. – С. 3–19.
11. Розов Н. С. Возможны ли «быстрые открытия» и накопление знаний в науке // Философия науки. – 2002. – № 3. – С. 3–23.
12. Розов Н. С. Философия и теория истории. – М.: Логос, 2002. – Кн. 1: Прологомены. – 656 с.
13. Семенов Ю. И. Философия истории. (Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней). – М.: Современ. тетради, 2003. – 776 с.
14. Штомпка П. П. Социология социальных изменений / пер. с англ., под ред. В. А. Ядова. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 416 с.
15. Уайт Л. А. История, эволюционизм и функционализм как три типа интерпретации культуры / пер. с англ. М. С. Тростниковой // Антология исследований культуры. – СПб.: Университет. кн., 1997. – Т. 1: Интерпретация культуры. – С. 559–590.
16. Уайт Л. А. Концепция эволюции в культурной антропологии / пер. с англ. М. С. Тростниковой // Антология исследований культуры. – СПб.: Университет. кн., 1997. – Т. 1: Интерпретация культуры. – С. 536–558.
17. Уайт Л. А. Энергия и эволюция культуры / пер. с англ. Е. М. Лазаревой // Антология исследований культуры. – СПб.: Университет. кн., 1997. – Т. 1: Интерпретация культуры. – С. 439–464.

Literatura

1. Boas F. Evolucija ili diffuzija / per. s angl. Ju. S. Terecht'evoj // Antologija issledovanij kul'tury. – SPb.: Universitet. kn., 1997. – T. 1: Interpretacija kul'tury. – S. 343–347.
2. Dvurechenskaja A. S. Professional'naja kompetentnost' kul'turologa v kontekste prikladnoj kul'turologii // Vestn. Kemerov. gos. un-ta kul'tury i iskusstv. – 2013. – № 22/2. – S. 109–113.
3. Zaher Ja. M. Tjurgo. – М.: Gosudarstv. izd-vo, 1919. – 78 s.
4. Kagan M. S. Estetika kak filosofskaja nauka. – SPb.: Petropolis, 1997. – 544 s.
5. Kondorse Zh. A. Eskiz istoricheskoi kartiny progressa chelovecheskogo razuma / per. I. A. Shapiro. – М, 2010. – 233 s.
6. Kun T. Logika otkrytija ili psihologija issledovanija? / per. s angl. O. A. Balla // Filosofija nauki. – 1997. – № 3. – S. 20–48.
7. Lakatos I. Istorija nauki i ee racional'nye rekonstrukcii // Struktura i razvitie nauki. Iz Bostonskih issledovanij po filosofii nauki. – М.: Progress, 1978. – S. 203–269.
8. Lakatos I. Fal'sifikacija i metodologija nauchno-issledovatel'skih programm / per. s angl. i predisl. V. N. Porusa. – М.: Medium, 1995. – 236 s.
9. Mejneke F. Vozniknovenie istorizma / per. s nem. V. A. Brun-Cehovogo, L. T. Mil'skoj. – М.: ROSSPEN, 2004. – 480 s.
10. Nugaev R. M. Problema rosta nauchnogo znaniya // Filosofija nauki. – 2006. – № 4. – S. 3–19.
11. Rozov N. S. Vozmozhny li "bystrye otkrytija" i nakoplenie znaniy v nauke // Filosofija nauki. – 2002. – № 3. – S. 3–23.
12. Rozov N. S. Filosofija i teorija istorii. – Кн. 1: Prolegomeny. – М.: Logos, 2002. – 656 s.
13. Semenov Ju. I. Filosofija istorii. (Obshchaja teorija, osnovnye problemy, idei i koncepcii ot drevnosti do nashih dnei). – М.: Sovremen. tetradi, 2003. – 776 s.
14. Shtompka P. P. Sociologija social'nyh izmenenij / per. s angl. pod red. V. A. Jadova. – М.: Aspekt Press, 1996. – 416 s.
15. Uajt L. A. Istorija, Evoljucionizm i funkcionalizm kak tri tipa interpretacii kul'tury / per. s angl. M. S. Trostnikovoj // Antologija issledovanij kul'tury. – SPb.: Universitet. kn., 1997. – T. 1: Interpretacija kul'tury. – S. 559–590.
16. Uajt L. A. Koncepcija evoljucii v kul'turnoj antropologii / per. s angl. M. S. Trostnikovoj // Antologija issledovanij kul'tury. – SPb.: Universitet. kn., 1997. – T. 1: Interpretacija kul'tury. – S. 536–558.
17. Uajt L. A. Energija i evoljucija kul'tury / per. s angl. E. M. Lazarevoj // Antologija issledovanij kul'tury. – SPb.: Universitet. kn., 1997. – T. 1: Interpretacija kul'tury. – S. 439–464.

